

**МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. ЛОМОНОСОВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

**РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ
ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ**

ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА

ДРЕВНЕЕ ПРАВО

2 (32)

Москва 2015

УДК 34(075.8)
ББК 67.99(2)95
Д 73

Настоящий номер издается при поддержке
Университета г. Сассари, Италия

**Questo volume è pubblicato con il contributo
dell'Università di Sassari, Italia**

**ДРЕВНЕЕ ПРАВО: Научно-практический журнал. No. 2 (32). – М.: ИД В. Ема,
2015. – 276 с.**

ISSN 2309-4567

Данный том продолжает периодическое издание общероссийского научного журнала по римскому праву и его рецепции. Издание рассчитано на публикацию статей не только российских ученых, но и западных романистов, с тем, чтобы ближе познакомить отечественных исследователей с достижениями западной романистики. Вместе с тем совместные публикации позволяют установить более тесный и плодотворный научный контакт между российскими и западными учеными. В целях ввода в научный оборот России возможно большего числа источников по римскому праву и его рецепции в каждом номере публикуются новые, ранее не переводившиеся на русский язык труды древних юристов. Приглашаем юристов и историков России и других стран присылать свои статьи, рецензии и другие материалы для публикации в нашем журнале.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М.В.Бибиков, С.И.Герасимов, Я. Заблоцки, А. Корбино, Ф. Сини (зам. гл. редактора),
Е. А. Суханов (председатель редакционного совета), А. О. Чубарьян,

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Л. Л. Кофанов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.В. Ауров, Е.В. Белякова, С.С. Бугрова, В.В. Дементьева, А.А. Иванов,
А.С. Карцов, А.В. Копылов, Н.А. Крашенинникова, Е.В. Ляпустина,
А.В. Марей, И.Л. Маяк, П. Ничипорук, Р. Орту, А.Д. Рудоквас, В.А. Савельев
(зам. гл. редактора), О. Сакки, М. Скрейпек, А.Л. Смышляев, И.Е. Суриков,
А.И. Солопов, К. Танев, П. Тодини, В.А. Томсинов,
В.И. Уколова, Ф.Р. Фернандес Де Бухан Фернандес, И.С. Филиппов,
Э.Д. Фролов, А.М. Ширвиндт

РЕДАКЦИЯ

А.В. Еремин, Д.А. Литвинов, И.В. Лушникова,
А.А. Панов (отв. секретарь), Е.С. Марей, Д.Ю. Полдников,
А.В. Рудаков, С.Я. Сомова

К 1203020200-003 без объявл.
4Ф3(03)-95

© Центр изучения римского права, 2015
© «Издательский дом В.Ема», редподготовка, оформление. 2015

INDICE №32 DIRITTO ROMANO   **СОДЕРЖАНИЕ РИМСКОЕ ПРАВО**

- Bravo Bosch M.J.** (Vigo, Spagna). Il mito di Lucrezia e la famiglia romana   **8**   **Браво Бош М.Х.** (Виго, Испания). Миф о Лукреции и римская семья
- Monteverdi D.** (Catanzaro). Le XII tavole e le leggi dei greci “venute ad ordinare la Repubblica libera e popolare”   **23**   **Монтеверди Д.** (Катандзаро). Законы XII таблиц и греческие законы “предназначенные для создания свободной народной республики”
- Smorčkov A.M.** (Mosca). La dichiarazione di guerra (*indictio belli*) nel diritto feziale: teoria e realtà   **60**   **Сморчков А.М.** (Москва). Объявление войны (*indictio belli*) в фециальном праве: теория и реальность
- Piro I.** (Catanzaro). *Ius gentium* e matrimonio   **82**   **Пиро И.** (Катандзаро). *Ius gentium* и брак
- Kofanov L.L.** (Mosca). La *condictio triticaria* e il commercio statale del pane nel diritto internazionale e pubblico della Roma repubblicana   **100**   **Кофанов Л.Л.** (Москва). Зерновая кондикция и государственная торговля хлебом в международном и публичном праве республиканского Рима
- Cascione C.** (Napoli). Il *consensus* del popolo e delle *gentes* nell’età repubblicana   **125**   **Кашоне К.** (Неаполь). *Consensus* народа и *gentes* в республиканскую эпоху
- Tkacenko D.N.** (Yaroslavl). Il proconsolato romano negli anni 326-201 a.C.: la pratica della *prorogatio* dell’*imperium*   **139**   **Ткаченко Д.Н.** (Ярославль). Римский проконсулат 326-201 гг. до н.э.: практика пророгации империя

DIRITTO ROMANO ED ATTUALITÀ   **РИМСКОЕ ПРАВО И СОВРЕМЕННОСТЬ**

- Russo R.** (Roma). Dimensione applicativa della norma penale: individuazione degli elementi comuni nell’esperienza giuridica romana ed in quella costituzionale italiana   **154**   **Руссо Р.** (Рим). Применение уголовной нормы: выявление общих элементов в римском правовом и итальянском конституционном опыте

ATTIVITÀ SCIENTIFICA   **НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**

- Tanev K.** (Sofia), **Kofanov L.L.** (Mosca), **Sacchi O.** (Napoli). Cronaca del X seminario internazionale “Diritto romano e attualità” e del Simposio dei giuristi dei paesi balcanici sul tema «*Furtum* in suoi aspetti giuridici, filosofici ed economici». Istanbul, 29 ottobre – 1 novembre 2014   **188**   **Танев К.** (София), **Кофанов Л.Л.** (Москва), **Сакки О.** (Неаполь). Хроника X международного научного семинара «Римское право и современность» и симпозиума юристов Балканских стран на тему «*Furtum* в его юридических, философских и экономических аспектах», Стамбул, 29 октября – 1 ноября 2014 г.

SUPPLEMENTO   **ПРИЛОЖЕНИЕ**

- Corpo degli atti di Dimitrio Homatin “Diverse opere”, 106: La decisione giudiziaria sui casi di contestazione di un accordo stipulato dai latini sotto l’effetto della paura di una minaccia e di una violenza (circa 1234-1236). Traduzione, introduzione e commento di E.S.Red’kin. Redazione di A.A.Panov (Mosca)   **216**   Корпус актов Димитрия Хоматина «Различные произведения», 106: Судебное решение по делу об оспаривании сделки, заключенной при латинях, по основанию страха от угроз и насилия (ок.1234-1236 гг.) Перевод с древнегреческого, введение и комментарии Э.С.Редькина. Редактирование А.А.Панова (Москва)

А.М.СМОРЧКОВ*

**ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ (INDICTIO
BELLI) В ФЕЦИАЛЬНОМ ПРАВЕ:
ТЕОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ**

Особая процедура перехода от мира к войне, существовавшая у римлян с незапамятных времен и наиболее полно воплотившаяся в фециальном праве, имела целью обеспечить благосклонность богов. Свою благосклонность боги даровали лишь тем, для кого война являлась *iustum* (*bellum iustum*)¹, т.е. «справедливой» (в морально-этическом отношении) или «законной» (с формально-правовой стороны)². О важности этой цели говорят и сами детали архаичных ритуалов, и многие авторы, в том числе Полибий (ХIII. 3. 7), внимательный греческий исследователь римских реалий в эпоху расцвета Республики, и Цицерон (Rep. II. 31; Off. I. 36), известный знаток римских религиозных и политических институтов.

Для обеспечения «справедливого/законного» характера войны, несомненно, важную роль играло наличие таковых же причин для ее начала – например, нападение врагов на римскую территорию или на римских союзников, нарушение договоров, мщение за причиненную обиду, отказ выдать похищенное и т.д.³ Для римского отношения к войне отнюдь не чуж-

---

* Сморгчов Андрей Михайлович – доктор исторических наук, профессор РГГУ (Москва). Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках гранта «Исследование по истории развития системы римского и европейского государственного права» (проект № 13-01-00093).

¹ Эта тема (*bellum iustum*) в силу ее непреходящей актуальности (к сожалению!) всегда вызывала большой интерес у исследователей. Историографию см. в примечаниях: Rürke 1990, 117-122; Сини 2003, 57-65; Zuccotti 2004, 1, nt.; Liebs 2009, 305-318; Cursi 2014, 569-585; Calore 2014, 9, nt. 31 (современная проблематика); 10, nt. 35-38 (античная проблематика); 13-18. Весьма полную подборку источников см.: Drexler 1988, 188-226 (=Drexler 1959, 97-140).

² Выражаю искреннюю признательность профессору В. В. Дементьевой (ЯрГУ), обратившей мое внимание на эту важную двойственность понятия «*iustum*».

³ Cic. Rep. III. 34; 35; Varro ap. Non. P. 850L, 529M; Liv. I. 22. 3-4; 23. 7; 30. 4-6; 32. 7; 10; 11; XLV. 22. 5; Dionys. AR. II. 37. 3; 72. 4-5; Plut. Numa. 12; Camil. 18; Serv. Ad Aen. IX. 52; X. 14. Подробный перечень справедливых оснований см.: Albert 1980, 17-20; Liebs 2009, 309-310.

дым, более того, определяющим было восприятие ее как состояния нечестивого и неестественного⁴. А потому «справедливость» требовала, чтобы война выглядела вынужденной, чтобы именно противник оказался нарушителем мира⁵, причем, что характерно для римлян, главным образом с формально-правовой стороны⁶, т.е. преобладало второе понимание определения *iustum*⁷. Наглядно этот аспект представлен в рассказе Ливия о начале войны между Римом и Альбой Лонгой в правление Тулла Гостилия (*Liv.* I. 22. 2-7, ср. *Dionys.* AR. III. 2-3). В его изложении римский царь сам жаждал войны (*materiam excitandi belli quaerebat*: *Liv.* I. 22. 2). Претензии были взаимными, но с помощью хитрой уловки Тулл Гостилий сделал так, что первыми отказались выполнить требования послов альбанцы, тем самым поставив римлян перед необходимостью объявить войну. И Ливий не видит здесь никакого противоречия между реальным стремлением римского царя к войне и формальной виной альбанцев и никак это не комментирует. Собственно, в чем состояла хитрость Тулла Гостилия: римляне и альбанцы одновременно отправили послов (*legati*: *ibid.* 4; 6; 7)⁸, но если римские послы немедленно заявили претензии и тут же получили отказ, то для альбанцев римский царь встретил пирашеством, что позволило затянуть время. Ничего религиозного здесь, на первый взгляд, нет, но после запоздалых претензий альбанских послов последовало заявление римского царя, призвавшего богов в свидетели, что все бедствия войны падут на ту сторону, которая первой отослала послов, не уважив их просьбу (*ibid.* 7). Вся эта процедура полностью соответствует фециальной, но Ливий их не упоминает, хотя сами фециалы, в его изложении, при Тулле Гостилии уже были и участвовали в заключении договоров (*ibid.* 24. 4-9). Вероятно, это объясняется тем, что, по его мнению, несколько противоречивому, фециальный ритуал объявления войны появился лишь при следующем римском царе, Анке Марции, будучи заимствован у племени эквикулов (*Liv.* I. 32. 5).

Гораздо более пространственный рассказ имеется у Дионисия Галикарнасского (*Dionys.* AR. III. 2-3), схожий с кратким сообщением другого греческого автора, Диодора Сицилийского (*Diod.* VIII. 25). Причем их изложение событий выглядит более логичным, поскольку зачинщиком войны, ис-

---

⁴ См.: Сини 2003, 49-65.

⁵ *Dio Cass.* XIII. Fr. 55. 8 (из речи Кв. Фабия перед началом войны с Ганнибалом): «Немаловажно и ввиду благоволения со стороны богов, и ввиду одобрения со стороны людей казаться не зачинщиком войны, а вынужденным защищаться от тех, кто начал». Ср. *Zon.* VIII. 22; *Liv.* IX. 1. 10.

⁶ *Varro.* De vit. pop. Rom. 75R (=Non. P. 850L, 529M); *Liv.* I. 22. 3-7; 23. 7; 30. 4-6; 32. 9-10; *Dionys.* AR. II. 37. 3; 72. 4-5; III. 2. 3-4; 3. 1-2.

⁷ Подробнее см.: Дементьева 2015 (в печати).

⁸ Ср. *oratores* для обозначения альбанских послов в отрывке из сочинения Катона Старшего «Начала» (*Fest.* P. 196L).

кавшим благовидный предлог для нее, у Дионисия выступает глава Альбы Лонги Клуилий (*Dionys. AR. III. 2*), а у Диодора – альбанцы в целом (*Diod. VIII. 25. 1*)⁹. Если для римского взгляда не было противоречия между реальным и формальным виновником войны, то для греческого читателя, по всей видимости, их следовало объединить. Как и Ливий, посланцев из Альбы греческие авторы называют послами (οἱ πρεσβευταί, οἱ πρέσβεις: *Dionys. AR. III. 2. 4*; *3. 1-2*; *Diod. VIII. 25. 1; 2; 4*). Но имеется важное отличие у Дионисия: как учреждение фециалов, так и их функции, связанные с началом войны, он относит к Нуме Помпилию (*ibid. II. 72. 4; 6-9*). Поэтому в его рассказе о данном событии из начала правления следующего римского царя, Тулла Гостилия, упоминается, что знатные мужи, то есть римские послы (οἱ πρεσβευταί: *III. 3. 6*), были отправлены в Альбу Лонгу вместе с фециалами (ἄμα τοῖς ἐφηροδικαῖς: *ibid. 3. 3*). Кто-то из них именуется главой посольства (ὁ τῆς πρεσβείας ἡγεμών: *ibid. 3. 4*), и именно он призывает к богам засвидетельствовать первенство альбанцев в нарушении договора (*ibid. 3. 5*).

Таким образом, среди многочисленных условий и элементов, призванных обеспечить справедливый характер войны, важную роль играло ее объявление¹⁰, четко обозначающее рубеж между ней и миром. Критикуя Антония за развязывание войны с парфянами в 36 г. до н.э., автор II в. н.э. Флор (*IV. 10. 2*) подчеркивает, что тот совершил нападение «без повода, без плана и даже без – хотя бы для вида – объявления войны» (*neque causa neque consilio ac ne imaginaria quidem belli indictione*). А ведь речь шла совершенно о другом народе, не связанном с римлянами общностью представлений о войне и мире подобно италикам или грекам. Вполне объяснимо внимание, оказываемое данному моменту, после которого мирное время безвозвратно утрачивалось и начиналось новое состояние, полное опасностей и с непредсказуемым результатом. Объявление войны можно сопоставить с широко известными «ритуалами перехода», имевшими большое значение в жизни архаического общества. Поэтому, что характерно для того времени, столь важный акт должен был иметь соответствующее религиозное оформление всё с той же целью – обеспечить помощь богов. Значимость этой стороны процедуры объявления войны усиливается ввиду хорошо известного ритуализма и формализма римской религии и римского мировоззрения в целом.

⁹ О различиях между Ливием и Дионисием касательно Тулла Гостилия см.: Penella 1987, 235-236.

¹⁰ *Cic. Rep. II. 31*: «(Тулл Гостилий) установил право, в соответствии с которым объявлялись войны; это (право), весьма справедливо благодаря ему придуманное, он освятил фециальной религией, так что всякая война, которая не была возведена и объявлена, такая (война) считалась несправедливой и нечестивой» (*constituitque ius, quo bella indicerentur, quod per se iustissime inventum sanxit fetiali religione, ut omne bellum, quod denuntiatum indictumque non esset, id iniustum esse atque inpium iudicaretur*. Ср.: *Cic. Off. I. 36; Lact. Inst. VI. 9. 4*).

Согласно фециальному праву, непосредственно объявлению войны предшествовала довольно длительная (*tarde* по выражению Варрона) процедура предъявления претензий (*res repetere*), продолжавшаяся 30 дней (или 33)¹¹. Ее целью было добиться удовлетворения требований мирным путем¹². Отмеченная глубокой архаикой, она включала в себя различные этапы с соответствующими обрядами. Наиболее подробный рассказ со многими деталями содержится у Тита Ливия (I. 32. 4-14), Дионисия Галикарнасского (AR. II. 72) и Сервия (Ad Aen. IX. 52; X. 14). В начале процедуры стояло решение сената (в раннюю эпоху, вероятно, царя) об отправке фециалов для предъявления претензий¹³. Согласно Варрону, отправляли четырех фециалов, которых он называет также послами (*legati*) и ораторами (*oratores*)¹⁴. Вполне вероятно, что содержание терминов *legatus* и *fetialis* менялось, равно как и соотношение их. Если в исторические времена сенатские легаты явно отличались от жрецов-фециалов, то первоначально такого противостояния могло и не быть, а существовал единый термин *legatus fetialis*, где *fetialis* являлось определением к *legatus*¹⁵. В отличие от сведений Варрона, Ливий (и Дионисий) говорит об одном лице, которого он именуется то послом (*legatus*: Liv. I. 32. 6), то вестником (*nuntius*: ibid. 6; 10), то жреческим титулом *pater patratus*¹⁶ (ibid. 11). Впрочем, такое внимание к деятельности всего лишь одной персоны не исключает наличия других, сопровождавших его. У Плиния Старшего упоминается еще один фециал с особой функцией, который участвовал в рассматриваемой процедуре, а именно, *verbenarius*¹⁷. Здесь мы сталкиваемся явно с очень архаичными представлениями магического характера¹⁸, поскольку этот фециал нес с собой священную траву (*verbena*), сорванную в крепости на Капитолии, причем обязательно с землей¹⁹. Эта трава использовалась также в фециаль-

¹¹ Из недавно вышедших работ подробный анализ, в том числе историографический, см.: Rich 2011, 199-204; Ravizza 2014, 32-39; Calore 2014, 32-46.

¹² Varro. De vit. pop. Rom. 75R (=Non. P. 850L, 529M); LL. V. 86; Plut. Numa. 12; Serv. Ad Aen. X. 14. Ср. Plaut. Amph. 204-210.

¹³ Liv. IV. 30. 13-14; VII. 6. 7; 32. 1; VIII. 22. 6; IX. 45. 6; X. 12. 2; 45. 7, ср. Varro. LL. V. 86; De vir. ill. 5.

¹⁴ Varro. De vit. pop. Rom. 75R (=Non. P. 850L, 529M).

¹⁵ Rüpke 1990, 103.

¹⁶ Ср. Serv. Ad Aen. IX. 52 (*pater patratus, id est princeps fetialium*); X. 14.

¹⁷ Plin. NH. XXII. 5, ср. Varro. De vit. pop. Rom. 76R (=Non. P. 848L, 528M).

¹⁸ Ogilvie 1965, 111. Подробный анализ: Rüpke 1990, 101-103.

¹⁹ Plin. NH. XXII. 5. Ср.: ibid. XXV. 105; Fest. P. 424-426L, s.v. *sagmina*; Serv. Ad Aen. XII. 120; D. I. 8. 8. 1.

ной процедуре заключения мира²⁰, соответственно, по всей видимости, в ней участвовал и фециал *verbenarius*. Такой ритуальный элемент вызывает прямые ассоциации с простейшим римским алтарем, покрытым дерном (*caespes*)²¹. О религиозном значении травы с землей (дерна) остается лишь гадать²², тем более, что оно могло меняться со временем, а трактовки самих римских авторов, приравнивавших вербену к кадуцею²³, навеяны греческой практикой. Одно несомненно – перед нами весьма архаичный элемент в процедуре фециалов с явным религиозным содержанием.

Прибыв к границе, *pater patratus* покрывал голову шерстяной накидкой²⁴, как было принято при молитвах, и произносил особую молитвенную формулу, обращаясь к Юпитеру, к «границам» (*fines*) того народа, которому предъявляются претензии, и к «божественному праву» (*fas*) в подтверждение своих полномочий (*Liv.* I. 32. 6). Жреческий статус фециалов подчеркивается ритуальным запретом для них льняной одежды (*Serv. Ad Aen.* XII. 120). Й. Рюпке выводит такого рода запрет из характера деятельности фециалов (миротворческой), в то время как лен использовался для изготовления архаических доспехов²⁵. Однако запрет носил более общий характер, распространяясь и на фламинку Юпитера, которая должна была совершить искупительное жертвоприношение, даже если ее шерстяная одежда оказывалась всего лишь сшитой льняными нитями (*ibid.*). Возможно, он касался и других жрецов, ведь именно шерсть использовалась при изготовлении жреческой шапки (*pilleus*, *арех*) понтификов, фламинов и салиев²⁶, равно как и одеяния фламинов (*laena*)²⁷.

Затем *pater patratus* еще раз обращался к Юпитеру в подтверждение справедливости предъявляемых требований (*Liv.* I. 32. 7; IV. 30. 14; *Dionys. AR.* II. 72. 6). Дионисий, кроме того, упоминает неких «других богов». Такого рода формулу он произносил еще три раза – первому встречному на чужой территории, входя в городские ворота и на площади (*Liv.* I. 32. 8;

²⁰ *Liv.* I. 24. 5; XXX. 43. 9; *Fest.* P. 424-426L, s.v. *sagmina*; *Serv. Ad Aen.* XII. 120.

²¹ *Serv. Ad Aen.* XII. 119 (*Romani enim moris fuerat caespitem area superimponere et ita sacrificare*). См. также: *Verg.* *Aen.* XII. 118-119; *Hor.* *Carm.* I. 19. 13-14 (упомянуты *caespes* и *verbenae*); *Sen. Med.* 797; *Stat. Silv.* I. 4. 131; *Iuv.* XII. 2.

²² См., например: Rüpke 1990, 101-103.

²³ *Varro.* *De vit. pop. Rom.* 76R (=Non. P. 848L, 528M); D. I. 8. 8. 1 (Marcian.).

²⁴ *Liv.* I. 32. 6; *Serv. Ad Aen.* XII. 120. О священном одеянии этого фециала говорит также Дионисий Галикарнасский (*AR.* II. 72. 6).

²⁵ Rüpke 1990, 103.

²⁶ Habel 1894, 2699-2700; Samter 1909b, 2487-2488. Наиболее подробно: *Fest.* P. 484L, s.v. *titulum*; *Serv. Ad Aen.* II. 683; VIII. 664; X. 270.

²⁷ Samter 1909b, 2487. Наиболее ясное свидетельство: *Serv. Ad Aen.* IV. 262; 263.

Dionys. AR. II. 72. 7). Далее обидчику предоставлялось трижды по десять дней для совещаний²⁸.

Следующий этап именуется в историографии *testatio/denuntiatio*. Если требования римлян не получали удовлетворения, фециал произносил еще одну сакральную формулу, обращаясь к богам и возлагая вину на противника²⁹. Дионисий упоминает богов небесных и подземных (в общем), Ливий добавляет к ним богов земных (*dii omnes caelestes, terrestres, inferni*), но в начале сакральной формулы называет конкретно Юпитера и Януса Квирина. Квирина здесь выступает как эпитет Януса, что ясно следует из употребления при обращении к богу личного местоимения в единственном числе – *et tu Iane Quirine*. Это обстоятельство, как и последовательность богов – сначала Юпитер, а потом Янус, хотя правилом было ставить Януса в молитвах на первое место – вызывает определенные сомнения в аутентичности формулы³⁰. Но сам набор этих божеств представляется вполне соответствующим ситуации. Юпитер здесь выступает как бог верности клятве и заключенным договорам, т.е. в ипостаси *Dius Fidius*³¹, а Янус Квирина в качестве божества, связанные с переходом, в данном случае, от мира к войне и обратно³². В том же духе, т.е. как божество начала войн, по всей видимости, мог трактоваться и собственно Квирина³³. Широко известен обряд отмыкания дверей храма Януса Гемина на Форуме при начале войны и запираения при ее завершении³⁴. Сам храм представлял собой проход между двумя стенами, замыкаемый двумя воротами. Любопытно, что с эпохи Августа встречается указание на его принадлежность Янусу Квирину³⁵. В такой же ипостаси Янус упоминается в законе, который Варрон приписывал Нуме (*Fest. P. 204L. 17*), как объект жертвоприношения в случае обретения третьих т.н. «тучных доспехов» (*spolia opima*). Таким образом, и через данный обряд Янус Квирина оказывается связанным с военной сферой. Правда, у Плутарха и Сервия, также ссылавшихся на закон Нумы, в этом случае назван только Квирина (*Plut. Marcel. 8; Serv. Ad Aen. VI. 859*), но их вариант

²⁸ *Dionys. AR. II. 72. 8*, ср. *Liv. I. 22. 5; 32. 9; Serv. Ad Aen. IX. 52*.

²⁹ *Liv. I. 32. 9-10; Dionys. AR. II. 72. 8; XV. 9; Plut. Numa. 12*.

³⁰ Latte 1960, 132, Anm. 3; Ogilvie 1965, 131-132.

³¹ Юпитером клялись при заключении договоров: *Polyb. III. 25. 6-7* (упоминает еще Марса и Квирина для одного конкретного случая); *Liv. I. 24. 7-8; IX. 5. 3*. Ср.: *Liv. XXI. 45. 8; Fest. (Paul.). P. 81L, s.v. Feretrius; 109L, s.v. lapidem silicem*.

³² Ogilvie 1965, 132.

³³ Magdelain 1990, 250.

³⁴ *Piso ap. Varro. LL. V. 165; Liv. I. 19. 2; Ovid. Fast. I. 277-281; Plut. Numa. 20; Serv. Ad Aen. I. 291; 294; Macr. Sat. I. 9. 16*. Подробнее: Otto 1918, 1179-1182.

³⁵ RGDA. 13; *Suet. Aug. 22*. Ср. в этом же смысле *Ianus Quirini: Hor. Carm. IV. 15. 8-9*.

может быть результатом сокращенного наименования и не отменяет указания Варрона. По свидетельству Сервия, об упомянутом законе Нумы писал и Ливий (*Serv. Ad Aen. VI. 859*), но в сохранившихся книгах такой информации нет. Януса Квирина среди иных его ипостасей перечисляет Макробий (*Sat. I. 9. 15*), объясняя это тем, что Янус властвовал над войнами (*bellorum potens*), а сам эпитет производя от сабинского слова *cupin* («копье»): *ibid. 16*. Со ссылкой на антиквара III в. н.э. Корнелия Лабейона³⁶ упоминает Януса Квирина (также среди различных его ипостасей) ранневизантийский писатель Иоанн Лид, подчеркивая его связь с войной (*Lyd. Mens. IV. 1*). Наиболее тесно Квириин был связан с Марсом (*Dionys. AR. II. 48. 2; Liv. V. 52. 7*), воспринимаясь как его «мирный» вариант (*Serv. Ad Aen. I. 292; VI. 859*) и входя вместе с ним и Юпитером в древнейшую докапитолийскую триаду.

Насколько можно доверять столь детальным сведениям поздних авторов? Проблема заключается в том, что именно эта часть функций фециалов первой исчезла из их деятельности (см. ниже). Соответственно, не только Ливий и Дионисий, наши основные авторы, но и их предшественники, ранние анналисты, не имели возможности воочию наблюдать вышеописанную процедуру объявления войны. Отсюда вполне естественным представляется распространенное в историографии представление, что вся эта процедура является изобретением анналистов³⁷. В частности, К. Латте считает, что персонифицированное *fas* в фециальной формуле (*Liv. I. 32. 6*) невозможно в древнем латинском языке³⁸. Справедливость этого утверждения трудно и доказать, и опровергнуть в силу известных сложностей источниковедения архаического Рима, а потому его мнение не является ни общепризнанным, ни единственным³⁹. Конечно, приводимые Ливием формулы представляют несколько архаизированный⁴⁰, но все же современный ему язык, принципиально отличающийся, как справедливо замечено, от непонятных текстов салиев⁴¹. В любом случае, даже если признать текст формул результатом творчества анналистов, — а оно, несомненно, имело место, хотя трудно сказать, в каких масштабах, — это еще не отменяет ран-

³⁶ Wissowa 1900, 1351.

³⁷ Rich 2011, 192, nt. 25; 201 (nt. 68: историография, указывающая на различные источники сведений Ливия); 212-213; Ogilvie 1965, 128-129. В пользу аутентичности (в общем и целом) этой формулы см.: Magdelain 1990, 246 (историография: nt. 75); Calore 2014, 21-24 (историография: nt. 40).

³⁸ Latte 1950, 56-57; Latte 1960, 5, Anm. 1; Ogilvie 1965, 130.

³⁹ Критическое замечание по этому поводу см.: Harris 1979, 169, nt. 1. Иные трактовки см.: Calore 2014, 35, nt. 84.

⁴⁰ Об архаических элементах в фециальной формуле см.: Calore 2014, 22, nt. 34 (ср. 24, nt. 39).

⁴¹ Ogilvie 1965, 128.

него происхождения всей рассматриваемой фециальной процедуры. Показательна позиция Й. Рюпке: отрицая по тем же основаниям аутентичность фециальных формул, он признает (естественно, с оговорками) весьма древнее (гентильное) происхождение процедуры *regum repetitio*⁴².

После всех рассмотренных выше действий с ритуальным оттенком, именуемых в историографии *regum repetitio/clarigatio* и *testatio/denuntiatio*, фециал возвращался в Рим и докладывал результаты посольства сенату, который принимал решение о войне, в определенные эпохи и при определенных обстоятельствах утверждавшееся на народном собрании⁴³. Затем наступал заключительный этап, означавший окончательный отказ от мира и начало войны. Обращает на себя внимание, что об этом этапе Дионисий вообще не упоминает: по наблюдению Й. Рюпке, общий источник, использованный Ливием и Дионисием, закончился на стадии *testatio*, и уже изложение обсуждения в сенате у них сильно различается⁴⁴. Так что далее рассказ продолжает только Ливий, причем хорошо заметно, что предыдущий этап (*res repetere*) и тот, о коем пойдет речь (*bellum indicere*), являются совершенно разными ритуалами, а сведения о них Ливий заимствовал из разных источников и объединил в рамках одного сообщения⁴⁵. В итоге его рассказ оказался противоречивым в сущностном вопросе – что же считать объявлением войны (*indictio belli*), поскольку, завершая рассказ о предыдущей стадии, Ливий употребляет фразу: (фециал) «*bellum ita indicit*» (*Liv. I. 32. 12*), после чего приводит сакральную формулу, возлагавшую вину на противника. Как сказано выше, этот этап в историографии называют *testatio/denuntiatio*, и происходил он еще до обсуждения в сенате. Но и повествование о следующем этапе, который будет рассмотрен далее, завершается схожей фразой: «*hoc tum modo ... repetitae res ac bellum indictum*» (*ibid. 14*). С этим вопросом еще предстоит разобраться, а именно, что же считалось истинным началом войны с точки зрения религии.

Повествуя о заключительном этапе, который в историографии обозначается как *bellum indicere*, Ливий впервые во всем рассказе о процедуре объявления войны употребил термин фециал (*Liv. I. 32. 12*). Несомненно, это был тот же *pater patratus* (*Serv. Ad Aen. IX. 52; X. 14*), упоминавшийся на предыдущей стадии. Он опять отправлялся к границам врага и в присутствии трех взрослых свидетелей произносил ритуальную формулу, в которой объявлялась война (*ibid. 12-13*). Таким образом, как и на первой стадии (см. примеч. 14), здесь также действуют четыре римских представителя. Затем он бросал на вражескую территорию копье с железным наконечни-

⁴² Rüpke 1990, 99-100. См. также: Rich 2011, 216 (историография: nt. 119).

⁴³ *Liv. I. 32. 11-13; IV. 30. 15; VII. 6. 7; 32. 1; X. 45. 7; Dionys. AR. II. 72. 9*. Об участии народного собрания см.: Rich 2011, 204 (esp. nt. 75).

⁴⁴ Rüpke 1990, 104-105.

⁴⁵ Rüpke 1990, 105; Rich 2011, 201-204; 209.

ком или даже с обожженным концом (*ferratam aut praeustam sanguineam*)⁴⁶. Последний вариант (примитивное копьё с обожженным наконечником) свидетельствует о чрезвычайной древности обряда. Две трактовки имеет и использованный Ливием эпитет *sanguineus* (*ibid.* 12), который относится к обоим вариантам копий (в соответствии с общепринятой эмендацией Й. Мадвига, поменявшего местами рукописное «*sanguineam praeustam*»⁴⁷). Современные исследователи склонны считать, что Ливий использовал редкое значение слова *sanguis*, обозначающее «кизил» с его кроваво-красными плодами и побегам⁴⁸. В таком значении оно упомянуто в сочинении авторитетного в древности знатока этрусского учения Тарквития Приска (I в. до н.э.) «Книга знамений, связанных с деревьями» (*Macr. Sat. III. 20. 3*)⁴⁹. Тарквитий причисляет это растение к т.н. несчастливым деревьям (*arbores infelices*), находящимся в ведении подземных богов (*ibid.*). Но все же не следует исключать и возможность понимания *sanguineus* как «обогрненное кровью» (видимо, жертвенного животного)⁵⁰. В любом случае, и тот, и другой вариант наполнены глубоким религиозным смыслом⁵¹.

⁴⁶ *Liv.* I. 32. 12-14. Такую же ритуальную формулу, но несколько короче, равно как и копьё, бросаемое фециалом, упоминает также Авл Геллий (XVI. 4. 1) со ссылкой на сочинение римского юриста и грамматика I в. до н.э. Луция Цинция «О военном деле». О различиях между Цинцием и Ливием см.: Ogilvie 1965, 135-136; Rüpke 1990, 105; Rich 2011, 205. Копьё, которое кидает фециал, упоминает и Сервий, явно основываясь на информации Ливия (*Serv. Ad Aen.* IX. 52; X. 14). Самое раннее упоминание встречается у Диодора Сицилийского (I в. до н.э.), чье сообщение передат в стихах в поэме «Хилиады» византийский автор XII в. Иоанн Цец: *Diod. VIII. 26* (=Tzet. Hist. V. 555-561). По всей видимости, замечание Диодора было связано с вышеупомянутым рассказом о войне с Альба Лонгой (ср. *Diod. VIII. 25*).

⁴⁷ Madvig 1877, 55-56.

⁴⁸ Butler 1921, 158; Bayet 1935, 29-76; Ogilvie 1965, 135 (здесь же о магическом значении железа и кизила); Magdelain 1990, 247. См. также переводы, в том числе на русский язык В. М. Смирин. Как *opinio communis*: Rüpke 1990, 108. В современной классификации имеется вид «кизил кроваво-красный» (*cornus sanguinea*).

⁴⁹ Ср. *frutex sanguineus* (*Plin. NH. XVI. 74; 176*); *virga sanguinea* (*ibid. XIX. 180; XXIV. 73, ср. D. XLVIII. 9. 9*).

⁵⁰ В старом переводе 1892 г. под ред. П. Адрианова – «запачканное кровью». См. также: Samter 1909a, 2264; Wiedemann 1986, 479 (*blood-coloured* без комментариев); Liebs 2009, 308 (*in Blut getränkte* также без аргументации); Rich 2011, 208 (развернутая аргументация). Ср.: *Dio Cass. LXXII. 33. 3* (τὸ δόρυ τὸ αἷματῶδες); *Ammian. Marc. XIX. 2. 6* (*hasta infecta sanguine*). Впрочем, возможно, что и у Диона Кассия речь идет о кроваво-красном цвете, а не о крови: Latte 1960, 122, Anm. 1.

⁵¹ Возможно, этот акт имел и правовую сторону, обозначая захват вражеской территории: Latte 1960, 122 (со ссылкой на работу французского исследователя J. Bayet); Ravizza 2014, 40 (историография: nt. 52). Против: Wiedemann 1986, 483. Детальное поэтапное сопоставление общественной процедуры *indictio belli*, рассматриваемой как религиозно-правовая (*guiridico-religioso*), с частным процессом *per legis actiones*

О важности ритуала метания копья свидетельствует сохранение его в измененном виде даже тогда, когда с расширением римской державы его реальное осуществление столкнулось с серьезными трудностями. Как рассказывает продолжатель Сервия (Девтеро-Сервий), во времена Пирра римляне, не найдя место, где фециалы могли бы осуществить этот обряд по отношению к «заморскому» врагу, взяли пленника из войска Пирра и заставили его купить участок земли перед храмом богини войны Беллоны. Этот участок объявили вражеской землей для проведения необходимого ритуала объявления войны (*Serv. auct. Ad Aen. IX. 52*). Позже там была посвящена колонна для той же цели (т.н. *columna bellica*)⁵². Таким образом, теперь ритуал метания копья можно было осуществлять непосредственно в Риме, точнее, за его померием, где находился этот участок. Такое приспособление архаичного обычая к изменившимся условиям вполне в духе римской религии, но оно же является показателем его значимости. Последний известный случай, когда прибегли к метанию копья, относится к императору Марку Аврелию в 178 г. перед выходом на маркоманнскую войну (*Dio Cass. LXXII. 33. 3*). Марк Аврелий, несомненно, был фециалом, как до него Август (*RGDA. 7; Dio Cass. L. 4. 5*) и Клавдий (*Suet. Claud. 25. 5*), и, конечно, другие императоры. Впрочем, это обращение к архаическому ритуалу, скорее всего, было в то время лишь символическим жестом, а не живой, обыденной практикой, почему Дион Кассий и обратил внимание на данное событие, причем сославшись на свидетелей.

Отношение к сведениям о ритуале метания копья, в том числе перед *columna bellica*, в историографии весьма неоднозначно. И если К. Латте оспаривает лишь историчность рассказа Девтеро-Сервия⁵³, то другие исследователи отрицают существование самого этого ритуала, считая его изобретением Октавиана перед началом войны с Клеопатрой⁵⁴. Конечно, сложно говорить о степени достоверности античной традиции⁵⁵. Ведь практически вся информация о связи фециалов с объявлением войны относится к царскому и раннереспубликанскому времени, а наиболее полная – к рас-

---

см.: Calore 2014, 56-71 (библиография: nt. 1). Это представление, в том числе о генетической связи обеих процедур, весьма распространено в историографии: Rich 2011, 215, nt. 110; 111. См. также: Wiedemann 1986, 487-488 (касательно других действий фециалов, но с некоторым скепсисом); Майорова 2001, 166-167; Кофанов 2008, 52-56. Критику данного представления см.: Rich 2011, 215.

⁵² *Serv. auct. Ad Aen. IX. 52*. Ср.: *Ovid. Fast. VI. 205-208; Fest. P. 30L, s.v. Bellona; Dio Cass. L. 4. 5; LXXII. 33. 3; Serv. Ad Aen. IX. 52*.

⁵³ Latte 1960, 122, Anm. 3. Схожие взгляды: Rawson 1973, 167; Rich 2011, 207 (с указанием возможных вариантов трактовки скудных данных).

⁵⁴ Wiedemann 1986, 481-483 (esp. nt. 13); Rüpke 1990, 106-108; 116-117.

⁵⁵ В поддержку достоверности основной, ливиевой, традиции см.: Calore 2014, 21-24 (историография: nt. 40).

сказу об их происхождении при первых, полубогородных, царях. Но и весьма критичное отношение к античной традиции о фециалах, вытекающее из общеизвестных сложностей источниковедения раннего Рима, имеет обратную сторону в такой же недоказуемости собственных гипотез. В источниках нет ни единого намека на «творчество» Октавиана касательно рассматриваемого ритуала метания копья. Если этот обряд был «изобретен» ad hoc для объявления конкретной войны, то непонятно, почему Ливий, современник событий, дает два варианта для наконечника копья (железный или обожженный)⁵⁶. В конце концов, и об этом акте, когда Октавиан выступил в качестве фециала в 32 г. до н.э. около храма Беллоны при объявлении войны Клеопатре, сообщает лишь один автор (Дион Кассий), который жил через два с половиной столетия. Чем не повод для сомнений?! К тому же, строго говоря, Дион Кассий не упоминает метание копья, а говорит о совершении неких традиционных действий, предваряющих войну⁵⁷.

Есть также определенный резон и в утверждении Й. Рюпке, что метание копья является не объявлением войны (Kriegserklärung), а ее началом (Kriegseröffnung), поскольку при совершении ритуала отсутствуют представители вражеской стороны⁵⁸. Однако как можно было обеспечить их присутствие, при этом минимизировать риск для самих римлян, которые тут же становились врагами? И тот же Й. Рюпке признаёт, что для совершения ритуала важно было лишь наличие вражеской земли. Действительно, его осуществляли явно не для людей (враги и так уже знали и понимали неизбежность войны после своего отказа требованиям римлян), а для богов, чтобы окончательно обеспечить их благосклонность к римлянам как начинающим войну справедливую, использовавшим все способы ее избежать и исполнившим все необходимые обряды. Интересно, что ни Ливий, ни Цинций, процитировавшие торжественную формулу, которую произносили перед метанием копья (см. примеч. 46), не упоминают богов⁵⁹, хотя призыв к ним при ее произнесении вполне ожидаем и уместен. Обращение к ним встречается на первом этапе объявления войны, и этот акт происходил явно в присутствии врагов (см. примеч. 29). Как видим, второй (окончательный)

⁵⁶ Другие аргументы, равно как аргументы предшественников, см.: Rich 2011, 206-207; Ravizza 2014, 42; Santangelo 2014, 93-95 (историография: nt. 37).

⁵⁷ *Dio Cass.* L. 4. 5: «(римляне), придя к (храму) Беллоны, совершили с помощью Цезаря в качестве фециала все предваряющие войну (обряды) согласно обычаю» (πρὸς τὸ Ἐνυεῖον ἐλθόντες πάντα τὰ προπολέμια κατὰ τὸ νομιζόμενον, διὰ τοῦ Καίσαρος ὡς καὶ φητιαλίου, ἐποίησαν).

⁵⁸ Rüpke 1990, 109. Ср. Rich 2011, 208-209; 224. Однако, строго говоря, у Ливия не сказано, кто такие упомянутые им трое свидетелей ритуала метания копья – римляне или враги. Ведь не исключен и последний вариант: Cimma 2000, 25.

⁵⁹ Cimma 2000, 25.

этап объявления войны «обошелся» без тех и других⁶⁰. Несомненно, отсутствие необходимости в присутствии врага для действенности процедуры метания копья облегчило прикрепление ее к определенному месту в самом Риме.

Возможно, упомянутая война с Пирром, первым «заморским» врагом Рима, и привела к тем изменениям в процедуре объявления войны, о которых речь пойдет ниже⁶¹. Когда это направление деятельности фециалов сошло на нет – не известно, но, по всей видимости, именно оно пало первым под натиском изменившихся внешнеполитических условий⁶². Ведь о таких их функциях, как участие в заключении договоров и выдаче виновных, мы знаем из конкретных событий в исторические времена, а об участии в объявлении войны (и предшествовавших тому переговорах) – почти исключительно из антикварной традиции. Ритуал фециалов возник тогда, когда Рим был маленькой общиной на Тибре, соответственно, внешние проблемы относились к ближайшей округе. Понятно, что его применение со временем, по мере расширения римской экспансии, стало затруднительным, хотя, как справедливо отмечают исследователи, не настолько, чтобы сделаться невозможным⁶³. Скорее, должно было сказаться то обстоятельство, что ритуал фециалов требовал такого же или подобного института у других народов⁶⁴. Несомненно, по мере изменения условий внешнеполитической деятельности нарастало несоответствие между жреческим характером фециалов с их ритуалами и новыми требованиями к дипломатическим миссиям⁶⁵. Но все же главной причиной замещения фециалов сенатскими легатами, на мой взгляд, явилась характерная для Республики с самого ее основания общая тенденция, неблагоприятная для политических полномочий жрецов и сводившая их функции к религиозным актам и консультациям в этой области⁶⁶.

Подобное ограничение полномочий жрецов исключительно религиозными задачами хорошо заметно у фециалов. Хотя довольно редко (с учетом военной активности римлян), но для эпохи ранней Республики их участие в актах накануне войны (собственно, *res peretere*) все же указывает-

---

⁶⁰ Впрочем, А. Магделен доказывает, что богом, под покровительством которого совершался ритуал метания копья, являлся Квирин: Magdelain 1990, 246-252.

⁶¹ Harris 1979, 267-269.

⁶² Samter 1909a, 2264.

⁶³ Wiedemann 1986, 481-482; Rich 2011, 224.

⁶⁴ McDonald, Walbank 1937, 193 (этот раздел написан Уолбанком); Ogilvie 1965, 128.

⁶⁵ Rich 2011, 224.

⁶⁶ Mommsen 1887, 689; Сморгчов 2012, 211-226.

ся в источниках⁶⁷. При этом показательно, что в ряде случаев фециалы упоминаются вместе с послами⁶⁸. Таким образом, складывается впечатление, что уже тогда их участие ограничивалось ритуальной стороной, а реальные действия (переговоры и решения) осуществляли сенатские послы⁶⁹. Наглядно это представлено в одном из пассажей Ливия, посвященном 427 г. до н.э., когда собирались начать войну с вейянами: «Но и тогда религия (*religio*) помешала тотчас объявить войну и послать войско; решили сначала отправить фециалов для предъявления претензий» (*Liv. IV. 30. 13*). Далее Ливий поясняет, что можно было обойтись и без этого, поскольку с вейянами был заключен не мир, а перемирие, которое к тому же истекло, да и было нарушено самими вейянами, но все же фециалы были отправлены (*missi tamen fetiales: ibid. 14*). Явно для Ливия речь шла исключительно о религиозном оформлении предполагаемой войны, ибо касательно остальных решений (быть или не быть войне) всё было ясно и до того, еще в предшествовавшем году. А потому здесь ни слова о дипломатии, а только о религии.

Обращает на себя внимание отмеченное выше наблюдение, свидетельствующее, что ритуал, совершавшийся фециалами, фактически распадается на две части: Ливий, излагая антикварную традицию, к каждому этапу относит объявление войны, явно заимствуя информацию из двух разных источников (см. примеч. 45). Причем на первом этапе, объединяющим два действия (*rerum repetitio* и *testatio/denuntiatio*), совершаемые фециалами акты не несут специфически ритуального характера: воззвания к богам в подтверждении истинности своих слов вполне обычны и для не-жрецов. Лишь на втором этапе совершается чисто жреческий ритуал метания копья.

⁶⁷ Прямые упоминания фециалов (всего тринадцать случаев): *Liv. IV. 30. 13; 14; 58. 1; VII. 6. 7; 9. 2; 16. 2; 32. 1; VIII. 22. 8; 39. 13; IX. 45. 6; X. 12. 2; 45. 7; Dionys. AR. IX. 60. 6; X. 23. 1; XV. 7. 6; 9. 1-2*. Легаты (послы) со схожими функциями: *Liv. III. 2. 3; 6; 25. 6; 8; 9; IV. 17. 2; 3; 6; 58. 6-7; VIII. 23. 3; 8; Dionys. AR. V. 37. 3; 50. 3; 51. 2; 52. 1; VIII. 64. 1-2; 91. 1-2; XV. 5. 1; 6. 5; XVII/XVIII. 1. 4; 2. 1; 3*. События, в которых упоминаются фециалы, у Ливия и Дионисия не совпадают ни разу, хотя в случае Второй Самнитской войны, по всей видимости, из-за лакуны у Ливия (*VIII. 23. 10*, ср. *39. 13*).

⁶⁸ *Liv. IV. 58. 1; VII. 32. 1; Dionys. AR. IX. 60. 3-6* (фециалы: 6); *X. 22. 5 – 23. 1* (фециалы: 23. 1); *XV. 7; 9* (фециалы: 7. 6; 9. 1-2). Ср. точно такое же указание на соучастие фециалов и послов в рассмотренном выше рассказе о Тулле Гостилии (*Dionys. AR. III. 3. 3-6*). Как можно заметить из сопоставления с предыдущей сноской, в тех немногих случаях, когда Дионисий упоминает фециалов, они всегда действуют вместе с послами. По всей видимости, таким он представлял себе предназначение фециалов, а именно, для ритуального оформления дипломатических актов.

⁶⁹ Отечественная исследовательница Н. Г. Майорова считает возможным даже разделить между фециалами и послами этапы изучаемой процедуры объявления войны и относит первый этап (*rerum repetitio/clarigatio*) к ведению послов: Майорова 2001, 150-159; 169-170 (наиболее полная формулировка вывода: 156).

Как мне представляется, разделение непосредственно дипломатической и собственно жреческой деятельности было заложено уже в самой древней процедуре, а потому с ходом времени совершилось незаметно и безболезненно.

Что касается следующего этапа в истории Римской республики, то о каком-либо исполнении фециалами обрядов, предворяющих войну, сведений нет, хотя мы имеем весьма подробные рассказы о начале ряда крупных войн в период борьбы Рима за гегемонию в Средиземноморье. Во Второй Пунической войне фециалы упоминаются лишь один раз – при заключении мирного договора с Карфагеном в 201 г. до н.э. (*Liv.* XXX. 43. 9). А перед объявлением войны римляне дважды отправляли в Карфаген послов (*legati*)⁷⁰. В связи со вторым посольством, когда в Риме всюду уже шли приготовления к войне, Ливий особо подчеркивает желание римлян «исполнить всё требуемое справедливостью перед войной (*ut omnia iusta ante bellum fierent*: *Liv.* XXI. 18. 1). Среди этих приготовлений он упоминает и вполне естественное в ситуации ожидания войны молебствие (*supplicatio*) по всему городу, когда богов просили о благополучном и удачном исходе войны, о которой римский народ вынес решение (*ibid.* 17. 4).

Второе посольство было отправлено после взятия Сагунта, когда неизбежность войны была очевидной, и именно ему римляне поручили объявить войну (*ut indicerent bellum*) в случае ожидаемого одобрения карфагенянами действий Ганнибала (*Liv.* XXI. 18. 1-2; *Polyb.* III. 20. 6-8). В той двусмысленной ситуации один из членов римского посольства⁷¹ совершил символическое действие, призванное переложить вину за войну на карфагенян⁷². Повествование расходится в том, к какой именно манипуляции с тогой прибег глава римского посольства, но суть одна: он предложил карфагенянам выбор между миром и войной, те в ответ передали выбор римлянам, после чего римлянин выбрал войну, а карфагенский сенат принял этот выбор. Насколько в самом Риме общественное мнение одобрило такой жест и признало соответствующим его нормам «человеческого и божественного права», трудно сказать, тем более, что реально вопрос о войне решался не в Карфагене, а в Иберии Ганнибалом. Каково же было участие фециалов в событиях? О них источники вообще не упоминают. Вполне возможно, что, когда информация о решении карфагенского сената дошла до Рима, т.е. были окончательно похоронены всякие надежды на мир, фециалы совершили ритуальное объявление войны у храма Беллоны. Но все

⁷⁰ 219 г. до н.э.: *Polyb.* III. 15. 2-12; *Cic. Phil.* V. 27; *Liv.* XXI. 6. 3-8; 9. 3-4; 10; 11. 1-2; 16. 1; *App. Iber.* 11; *Zon.* VIII. 21. 218 г. до н.э.: *Polyb.* III. 20. 6-10; 33. 1-4; 40. 2; *Liv.* XXI. 18-20; *Dio Cass.* XIII. Fr. 55. 9-10; *App. Iber.* 13; *Zon.* VIII. 22.

⁷¹ Упоминается то ли Квинт Фабий (будущий Кунктатор), то ли Марк Фабий (возможно, «Марк» ошибочно вместо прозвища Максим).

⁷² *Polyb.* III. 33. 2-4; *Liv.* XXI. 18. 13-14; *Dio Cass.* XIII. Fr. 55. 10; *App. Iber.* 13; *Zon.* VIII. 22. Ср. D. I. 2. 2. 37.

же ключевым моментом перед «лицом богов» при начале II Пунической войны оказываются действия послов, которые вряд ли можно назвать религиозным ритуалом.

Точно такая же ситуация имела место при начале Второй Македонской и Сирийской войн, о чем также имеется довольно подробная информация в источниках. В обоих случаях в связи с объявлением войны фециалы упоминаются, но исключительно как консультанты по сакральному праву в сфере своей компетенции. Причем и эти сведения также единственные в своем роде. А именно, в 200 г. до н.э. консул П. Сульпиций Гальба спросил фециалов (*consulti fetiales*), следует ли объявить войну непосредственно самому Филиппу V, или это можно сделать в ближайшей крепости в его царстве. На запрос фециалы постановили (*decreverunt*), что любой вариант правомерен (*Liv. XXXI. 8. 3; XXXVIII. 46. 11*). С таким же вопросом при объявлении войны Антиоху III, а, кроме того, нужно ли отдельно объявлять войну союзникам последнего, этолийцам, в 191 г. до н.э. в коллегию фециалов обратился консул Маний Ацилий Глабрион, следуя постановлению сената. Фециалы сослались на свое решение (*decrevisse*), когда с ними консультировались (*consulerentur*) по поводу войны с Филиппом V, а насчет этолийцев ответили, что те сами разорвали договор о дружбе и сами же объявили войну (*ibid. XXXVI. 3. 7-12; XXXVIII. 46. 11*).

Объявление войны с Филиппом (и Антиохом) явно носило символический характер, но все же оно было выдержано в духе фециальной обрядности, таким образом, с точки зрения религии по-прежнему оставалось в компетенции фециалов. Однако для выполнения этой процедуры в 200 г. до н.э. «сенат разрешил консулу по своему усмотрению отправить послом для объявления царю войны кого-нибудь из тех, кто был вне сената» (*Consuli a patribus permissum ut quem videretur ex iis qui extra senatum essent legatum mitteret ad bellum regi indicendum: Liv. XXXI. 8. 4*). Кто эти лица «вне сената», остается загадкой, как и сам указанный сенатом выбор. Под ними можно понять и фециалов, о которых речь шла в предыдущей фразе (где рассказывалось о консультациях с фециалами и их ответе). Никакой другой информации нет – ни о имени этого посла, ни о его деятельности, ни даже о том, был ли произведен выбор. По мнению Уолбанка⁷³, это был М. Эмилий Лепид, один из трех римских послов, находившихся в тех краях по пути в Египет, куда они были отправлены ранее⁷⁴. Однако его аргументация неубедительна: ведь даже если Лепид не был сенатором, как доказывает Уолбанк, остается неясным, почему в решении сената употреблено множественное число («из тех, кто был вне сената») и почему сенат по имени не назвал удобного ему участника посольства, что было важно при

---

⁷³ McDonald, Walbank 1937, 195-197 (этот раздел написан Уолбанком).

⁷⁴ *Polyb. XVI. 27; 34; Liv. XXXI. 2. 3-4; 18. 1-5; Diod. XXXVIII. 6; Iustin. XXX. 3. 3-4; App. Maced. 4.*

исполнении поручений от лица «сената и народа»⁷⁵. Макдональд, соавтор Уолбанка, соглашаясь с ним, утверждал, что после того, как народное собрание проголосовало за войну, «сенат направил распоряжение послам, находившимся на Родосе, сообщить Филиппу лично формальные римские *regum repetitio* и *indictio belli*»⁷⁶. Однако нигде в источниках такой информации нет, потому и Макдональд обошелся без сноски (впрочем, не оговорив предположительный характер своего утверждения).

Что касается III Македонской войны, предыстория которой также хорошо известна, в том числе и дипломатическая, то в источниках уже нет никаких указаний, даже косвенных, на фециалов. Оба ключевых этапа при начале войны (*regum repetitio* и *belli indictio*) осуществили послы (*Liv. XLII. 25. 1-13*, ср.: *30. 10-11*; *31. 1*; *36. 1-6*)⁷⁷.

Несмотря на незначительность сведений о действиях фециалов в эпоху великих завоеваний, Ливий явно считает саму фециальную обрядность, относящуюся к началу войны, вполне актуальной. В речи, приписываемой им Луцию Фурию Пурпуреону и Луцию Эмилию Павлу, легатам проконсула Гнея Манлия, в которой они обвиняли проконсула после его возвращения из Азии в 187 г. до н.э. в незаконном начале войны с галатами, среди прочих аргументов Ливий указывает на нарушение фециального права (*Liv. XXXVIII. 46. 12*)⁷⁸. Однако какую конкретно роль играли фециалы при объявлении войны в эту эпоху, довольно хорошо представленную в источниках, сведений нет, равно как о выполнении тех ритуалов, о которых речь шла выше. Эта ситуация прекрасно отражена в начале рассматриваемой речи, где чисто фециальная процедура описывается без указания на фециалов, причем исполнители второго, заключительного, этапа (*bellum indicere*) указаны весьма неопределенно: «Совсем недавно были войны с Антиохом, Филиппом, Ганнибалом и пунийцами; по поводу всех их имелось решение сената и приказ народа, (причем) сначала отправляли послов для предъявления претензий, а затем тех, кто объявлял войну»⁷⁹.

⁷⁵ Классический пример из той же эпохи – регулировавший дедикацию плебисцит Папирия, требовавший точного указания по имени лица, уполномоченного решением народа или плебса совершить посвящение храма, земли, алтаря. Анализ см.: Сморгков 2012, 366-377 (особ. 368-369; 375, примеч. 163).

⁷⁶ McDonald, Walbank 1937, 200.

⁷⁷ Подробный анализ см.: Walbank 1941, 86-91.

⁷⁸ В предыдущем административном году (188/187 гг. до н.э.) фециалы упомянуты при совершении конкретного внешнеполитического акта, а именно, через них (*per fetiales*) по приказу претора М. Клавдия были выданы карфагенским послам избившие их Л. Минуций Миртил и Л. Манлий (*Liv. XXXVIII. 42. 7*; *Val. Max. VI. 6. 3*; *Dio Cass. XIX. Fr. 61*).

⁷⁹ *Liv. XXXVIII. 45. 5-6*: Antiochi Philippi Hannibalis et Poenorum recentissima bella esse; de omnibus his consultum senatum, populum iussisse, per legatos ante res repetitas, postremo, qui bellum indicerent, missos.

Обращает на себя внимание, что для примера Ливий взял те же войны, которые были рассмотрены выше и о начале которых имеются весьма подробные сведения. Складывается впечатление, что роль фециалов в тех событиях для него была столь же неясной, как и для нас, хотя их значимость не вызвала сомнений. Схожую формулировку он употребил и при описании объявления войны самнитам в 326 г. до н.э., не указывая, кто же конкретно это сделал: *consules iussu populi cum misissent qui indecerent Samnitibus bellum* (*Liv.* VIII. 25. 2).

Таким образом, в лучшем случае, и то лишь предположительно, можно говорить об осуществлении фециалами религиозных обрядов в Риме, в частности, такого как метание копья у *columna bellica*. Все же сложно представить, чтобы этот ритуал вышел из употребления вплоть до Августа: ведь проводиться он должен был регулярно ввиду постоянной военной активности Рима, к тому же являлся обязанностью особых лиц, т.е. фециалов. Но вполне понятно, что в условиях международной политики в рамках всего средиземноморского бассейна осуществление архаичной длительной процедуры объявления войны стало объективно невозможным. А потому резонно было объединить в рамках одного посольства две прежние стадии – предъявление претензий (*res repetere*) и объявление войны (*bellum indicere*) в случае отказа, минуя стадию *testatio/denuntiatio*. Соответствующие полномочия посольство получало от сената, уже принявшего решение о войне, само собой, под условием отрицательного ответа от противоположной стороны (как правило, ожидавшегося)⁸⁰.

Отстранение от посольской деятельности собственно фециалов отражает серьезные изменения в представлениях о сакральном обеспечении военного успеха. Но изменение процедуры и состава участников объявления войны не могло отменить главной цели – получить благоволение богов, которое могло иметь место только при «справедливом/законном» (в римском, конечно, понимании) характере объявляемой войны. Невозможно представить столь важный акт без соответствующих ритуалов, а потому, в силу особой значимости перехода от состояния мира к состоянию войны, на место фециальной обрядности должно было прийти иное религиозное оформление. Ведь помимо фециальных совершались и другие действия на разных этапах перехода от мира к войне, призванные обеспечить поддержку богов⁸¹.

Особое значение имели те из них, которые осуществлялись публично, на глазах у граждан, поскольку именно такие мероприятия утверждали веру в помощь богов и, соответственно, в успешное завершение войны. Мне представляется, что важнейшим среди них являлся комплекс обрядов, сопровождавший выход полководца на войну. Он включал в себя облачение в военный плащ магистрата и его ликторов (пожалуй, наиболее

⁸⁰ McDonald, Walbank 1937, 194 (этот раздел написан Уолбанком); Ogilvie 1965, 128.

⁸¹ Их перечисление и анализ см.: Rüpke 1990, 125-143.

часто упоминаемый в источниках ритуал)⁸², принесение обетов богам на Капитолии⁸³ и совершение т.н. «ауспиций выхода» (термин современной историографии) перед пересечением померия⁸⁴: *auspicato profectus in Capitolium ad vota nuncupanda, paludatus inde cum lictoribus in provinciam iret* (*Liv.* XXI. 63. 9, ср. *Plut.* *Caes.* 34; *Pomp.* 61). Как мне представляется, именно этот комплекс действий смог заместить в религиозном сознании римлян обряды и деятельность фециалов. Способствовало этому и разделение непосредственно дипломатической и собственно жреческой деятельности, изначально заложенное в древней процедуре, о чем говорилось выше.

Обращают на себя внимание некоторые параллели между двумя ритуальными комплексами – фециальным и магистратском. В случае возникновения сомнений в правомочности «ауспиций выхода» (*incerta auspicia*) магистрат должен был вернуться в Рим для повторного их проведения, что могло происходить только на освященной территории города Рима⁸⁵. А после расширения римского государства за пределы Италии стали прибегать к следующему акту (в типично римском духе): в случае необходимости возобновления ауспиций, чтобы консулу не возвращаться в далекий Рим, на захваченной земле в данной провинции одно место провозглашалось римским, куда и отправлялся полководец⁸⁶. Это напоминает по своей религиозной интерпретации фециальные обряды объявления войны перед *columna bellica*, пришедшие на смену реальному объявлению войны фециалами⁸⁷. Объединяет оба обряда и то, что от них зависел успех всей военной кампании.

Но что можно найти общего по сути у ритуала выхода на войну с ритуалом ее объявления? И тот, и другой являлись «ритуалами перехода», совершаемыми на «римской земле», но предполагающими действия на чужой, вражеской, территории. Данное обстоятельство, на мой взгляд, и сделало возможным некую подмену, перенос центра тяжести религиозных действий, что было обусловлено затруднительностью в новых условиях

---

⁸² *Varro.* LL. VII. 37 (здесь также упоминается, что трубили в боевые трубы); *Caes.* BC. I. 6; *Liv.* XXI. 63. 9; XXXI. 14. 1; XXXVI. 3. 14; XXXVII. 4. 2; XL. 26. 6; XLI. 10. 5; 7; 11; 13; 17. 6; XLII. 49. 1-2; XLV. 39. 11; *Cic.* *Verr.* II. 5. 34; *Ad fam.* VIII. 10. 2; XIII. 6. 1; XV. 17. 3; *Ad Att.* IV. 13. 2.

⁸³ *Caes.* BC. I. 6; *Cic.* *Verr.* II. 5. 34; *Liv.* XXI. 63. 9; XXXI. 14. 1; XXXVIII. 48. 16; XLI. 10. 5; 7; 11; 13; XLII. 49. 1-2; XLV. 39. 11; *Dionys.* AR. IX. 57. 1; *Fest.* P. 176L, s. v. *nuncupata pecunia*.

⁸⁴ Подробнее см.: Сморчков 2012, 145-147.

⁸⁵ *Liv.* VIII. 30. 1-2; 32. 4; 7; 34. 4; X. 3. 6; XXIII. 19. 3; *De vir. ill.* XXXI. 1; *Val. Max.* III. 2. 9; ILS. 53.

⁸⁶ *Serv. auct. Ad Aen.* II. 178. Ср.: *Val. Max.* II. 7. 4; *Front. Strat.* IV. 1. 31.

⁸⁷ Ср. схожий символизм в замене комком земли реального участка в vindикационном процесс: *Gell.* XX. 10. 7-9.

соблюдать архаичный ритуал. Тем более, что этот архаичный ритуал был уделом одних жрецов, в то время как выход полководца на войну с соответствующими обрядами становился объектом массового внимания, как справедливо заметил Ливий, обобщая знакомую ему практику (*Liv.* XLII. 49. 1-3). И это было реальное начало войны, подлинный переход к ней от мирного состояния, когда возврат к последнему был уже невозможен.

Таким образом, изменения в религиозном оформлении процедуры объявления войны в Римской республике означали не «секуляризацию» этого акта⁸⁸, а перенос «центра тяжести» религиозных действий (или, быть может, лучше сказать «центра религиозного внимания»). Мироззрение той эпохи настоятельно требовало сохранения сакрального антуража для столь значимого акта при всех имевших место прагматических переменах в самой внешнеполитической деятельности. Здесь, как и в других сферах, можно наблюдать весьма характерную особенность римского понимания благочестия – четко осознаваемую границу между миром богов и миром людей, проводимую всё с большей последовательностью по мере развития римского общества и государства.

Литература

1. Дементьева В. В. 2015 (в печати): *Bellum iustum*: война «справедливая» или «законная»? (К дискуссии о значении понятия у Цицерона) // Древнее право. 1 (31).
2. Кофанов Л. Л. 2008: Виндикация в римском публичном праве // Древнее право. 2 (22), 42-57.
3. Майорова Н. Г. 2001: Коллегия фециалов // Жреческие коллегии в Раннем Риме. М., 142-179.
4. Сини Ф. 2003: *Varr. De ling. lat.* 5. 86 и римское «международное право» (размышления о *fides, bellum, hostis, pax*) // Древнее право. 2 (12), 42-82.
5. Сморгачев А. М. 2012: Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы. М.
6. Albert S. 1980: *Bellum iustum*. Die Theorie des “gerechten Krieges” und ihre praktische Bedeutung für die auswärtigen Auseinandersetzungen Roms in republicanischer Zeit. Kalmünz.
7. Bayet J. 1935: Le rite du fécial et le cornouiller magique // *MEFRA*. 52, 29-76.
8. Butler H. E. 1921: *Livy*, 1. 32. 12 // *CR*. 35, 7/8, 157-158.
9. Calore A. 2014: *Appunti sul bellum iustum*. Torino.
10. Cimma M. R. 2000: I feziali e il diritto internazionale antico // Древнее право. 1 (6), 24-31.

---

⁸⁸ Такое мнение см.: Ogilvie 1965, 128.

11. *Cursi M. F.* 2014: «Bellum iustum» tra rito e «iustae causae belli» // Index. 42, 569-585.
12. *Drexler H.* 1959: Bellum iustum // RhM, 102, 97-140.
13. *Drexler H.* 1988: Politische Grundbegriffe der Römer. Darmstadt.
14. *Habel* 1894: Apex // RE. Bd 1, 2699-2700.
15. *Harris W. V.* 1979: War and Imperialism in Republican Rome. 327-70 B.C. Oxf.
16. *Latte K.* 1950: Religiöse Begriffe in frühromischen Recht // ZSS. 67, 47-61.
17. *Latte K.* 1960: Römische Religionsgeschichte. München.
18. *Liebs D.* 2009: Bellum iustum in Theorie und Praxis // Ars iuris. Festschrift für Okko Behrends zum 70. Geburtstag. Göttingen, 305-318.
19. *Madvig J. N.* 1877: Emendationes Livianae. Ed. 2. Copenhagen.
20. *Magdelain A.* 1990: Quirinus et le droit (*spolia opima, ius fetiale, ius Quiritium*) // idem. Ius, imperium, auctoritas. Études de droit romain. Rome, 229-269.
21. *McDonald A. H., Walbank F. W.* 1937: The Origins of the Second Macedonian War // JRS. 27, 2, 180-207.
22. *Mommsen Th.* 1887: Römisches Staatsrecht. Bd 2, Abt. 1. Aufl. 3. Lpz.
23. *Ogilvie R. M.* 1965: A Commentary on Livy. Books 1-5. Oxf.
24. *Otto W. F.* 1918: Ianus // RE. Supplbd. 3, 1175-1191.
25. *Penella R. J.* 1987: War, Peace and the *ius fetiale* in Livy I // CPh, 82, 3, 233-237.
26. *Ravizza M.* 2014: Aspetti giuridico-sacrali del rituale feziale nell'antica Roma // Jura gentium, XI, 2, 27-44.
27. *Rawson E.* 1973: Scipio, Laelius, Furius and the Ancestral Religion // JRS. 63, 161-174.
28. *Rich J.* 2011: The *Fetiales* and Roman International Relations // Priests and State in the Roman World / Ed. by J. H. Richardson and F. Santangelo. Stuttgart, 187-242.
29. *Rüpke J.* 1990: Domi militiae. Die religiöse Konstruktion des Krieges in Rom. Stuttgart.
30. *Samter E.* 1909a: Fetiales // RE. Bd 6, 2259-2265.
31. *Samter E.* 1909b: Flamines // RE. Bd 6, 2484-2492.
32. *Santangelo F.* 2014: I feziali fra rituale, diplomazia e tradizioni inventate // Sacerdos. Figure del sacro nella società romana / a cura di G. Urso. Pisa, 83-104.
33. *Walbank F. W.* 1941: A Note on the Embassy of Q. Marcius Philippus, 172 B.C. // JRS. 37, 82-93.
34. *Wiedemann Th.* 1986: The Fetiales: A Reconsideration // CQ. 36, 2, 478-490.
35. *Wissowa G.* 1900: Cornelius Labeo (№ 168) // RE. Halbbd 7, 1351-1355.
36. *Zuccotti F.* 2004: «Bellum iustum» o del buon uso del diritto romano // Rivista di diritto Romano. IV, 1-64.

Ключевые слова: фециалы, bellum iustum, объявление войны, res repetere, bellum indicere, ритуал метания копья, ритуалы выхода на войну

Key Words: fetials, *bellum iustum*, declaration of war, *res repetere*, *bellum indicere*, the ritual of javelin throwing, rituals of withdrawal of troops

A.M.SMORČKOV

**LA DICHIARAZIONE DI
GUERRA (*INDICTIO BELLII*) NEL
DIRITTO FEZIALE: TEORIA E
REALTÀ**

(RIASSUNTO)

Nell'articolo si studia la frontiera rituale tra pace e guerra nella *civitas* romana. Nel *ius fetiale* c'era una lunga procedura che includeva in sè la rivendicazione (*res repetere*) e la dichiarazione di guerra (*bellum indicere*). Lo scopo della procedura era l'aiuto degli dei e il successo finale. Però, un'informazione sulla partecipazione dei feziali nella dichiarazione di guerra concreta nel periodo repubblicano manca totalmente. Nei casi noti partecipano non sacerdoti, ma ambasciatori (*legati*). L'allontanamento dei feziali dall'attività di ambasciatore dimostra un cambiamento di approccio rispetto all'idea di un'assicurazione sacrale del successo militare. La causa principale della sostituzione dei feziali con legati del senato, secondo l'A., risiederebbe in una volontà di assecondare una tendenza caratteristica della Repubblica che fin dai suoi inizi fu sfavorevole a un'idea di plenipotenziarietà politica dei sacerdoti che portò la stessa a limitare le loro funzioni, e l'efficacia dei loro atti e delle loro consultazioni religiose. Anche il principio di una separazione netta tra l'attività diplomatica e quella sacerdotale, che

venne fatto valere fin dall'inizio nella procedura romana della dichiarazione di guerra, favoriva questa tendenza. Al suo posto si registrano altre forme rituali dell'attività religiosa. Un significato speciale avevano i rituali che si realizzavano pubblicamente sotto gli occhi dei cittadini, siccome proprio quelli rafforzavano la fede nell'aiuto degli dei e in un esito felice della guerra. L'A. propone l'ipotesi che tale ruolo consisteva nello svolgimento del complesso dei riti che accompagnavano l'inizio della campagna di guerra del condottiero. Questo complesso includeva la vestizione del magistrato e dei suoi *lictors* dei paramenti militari, poi, la cerimonia dei voti agli dei in Campidoglio e la realizzazione degli c.d. "auspici d'uscita" prima di attraversare il *pomerium*. Entrambi i rituali (l'uscita del condottiero per la guerra e la procedura feziale) erano "riti di passaggio" che in origine si celebravano "in terra romana", ma in seguito fu consentito che potessero essere compiuti in territorio straniero. Tale circostanza ha dato la possibilità di trasferire il posto centrale degli atti religiosi.